

Jack
KEROUAC
1922 – 1969

Джек
КЕРУАК

Биг-Сур

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 36

Jack Kerouac
BIG SUR
Copyright © Jack Kerouac, 1962
All rights reserved

БИГ-СУР (*роман*)
Перевела с американского А. Герасимова

МОРЕ (*поэма*)
Перевод Е. Калявиной

Оформление обложки В. Гореликова

© А. Герасимова, перевод, 2011
© Е. Калявина, перевод, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-05794-4

Все, что я пишу, складывается в одну большую сагу вроде прустовской, с тем отличием, что мои воспоминания зафиксированы на бегу, а не через много лет больным в постели. Мои первые издатели не позволили мне использовать от романа к роману одни и те же имена определенных персонажей. «В дороге», «Подземные», «Бродяги Дхармы», «Доктор Сакс», «Мэгги Кэссиди», «Тристесса», «Ангелы Опустошения», «Видения Коди» и другие книги, включая эту, «Биг-Сур», — лишь главы одного большого целого, которое я называю «Легендой о Дулуозе». Когда-нибудь в старости я соберу все эти главы воедино, восстановлю единообразие имен в моем пантеоне, оставлю длинную полку книг и умру счастливым. Это одна огромная комедия, увиденная глазами бедного Ти-Жана (меня), вдобавок известного, как Джек Дулуоз, это мир буйного действия и безрассудства, но также любви и красоты, увиденный сквозь замочную скважину его глаза.

Джек Керуак

Биг-Сур

Роман

Церковные колокола бросают на ветер печальную мелодию «Катлин», она разносится над труппами скид-роу, где я просыпаюсь со стоном, несчастный, бедственно слипшийся после очередной пьянки, и главный стон оттого что сам поломал все инкогнито своего возвращения в Сан-Франциско, надрался как идиот с бродягами в закоулках и поломился прямо в Норт-Бич всех повидать хотя мы с Лоренсо Монсанта заранее в обширной переписке разработали подробный план как я по-тихому прокрадываюсь в город, звоню ему, называю кодовые имена: Адам Юлч или Лалладжи Палвертафт (тоже такие писатели) и он тайно отвозит меня в свою хижину в лесах Биг-Сура полтора месяца в безмятежном уединении рубить дрова, таскать воду, сочинять, спать, гулять и т. д. — Вместо этого я врываюсь пьяный в его книжную лавку «Огни большого города» в самый разгар субботнего вечера и все меня узнают (несмотря на маскировку — рыбацкий плащ, шляпу и непромокаемые штаны) и с грохотом катятся в загул по всем знаменитым барам — вот он хренов «король битников», вернулся и поит всех подряд — И так два дня, включая воскресенье, когда Лоренсо по идее должен заехать за мной в «секретную» гостиницу на скид-роу («Марс-отель» на углу 4-й и Говард-стрит), но я не отвечаю на звонок, служитель отпирает ему дверь, и что же он видит — на

полу среди бутылок валяюсь я, рядом частично под кроватью Бен Фейган, на кровати храпит художник-битник Роберт Браунинг — «Ладно, — думает, — заберу его в следующие выходные, он наверное хочет отвиснуть недельку в городе, как обычно», — ну и уезжает в свой Биг-Сур без меня уверенный что поступил правильно, но боже мой, вот я просыпаюсь — а Бен с Браунингом уже ушли как-то умудрившись втащить меня на кровать, — под эти колокола так печально вызванивающие «Вернись ко мне моя Катлин» в туманных ветрах над крышами мрачно-похмельного Сан-Франциско, ооо вот я и допрыгался, не в силах уже довлачить брненное тело свое даже до спасительного убежища в лесах, не говоря уже о прямохождении по городу — Впервые я покинул дом (дом моей матери) с тех пор как напечатали «Дорогу», книгу «принесшую мне известность» до такой степени что три года меня сводил с ума бесконечный поток телеграмм, звонков, предложений, писем, репортеров, непрошенных гостей (только соберешься писать рассказ, под окном голос: ВЫ ЗАНЯТЫ?), или залетает газетчик в спальню где я сижу в пижаме, пытаюсь записать сон — Подростки лезут через шестифутовый забор который я выстроил пытаюсь отстоять свое право на личную жизнь — Веселые компашки с бутылками орут под окном кабинета: «Джек, выходи, хорош работать, пошли напьемся!» — Приходит тетка, говорит: «Я не спрашиваю, вы ли Джек Дулуоз, потому что он с бородой, только скажите пожалуйста как его найти, мне нужен настоящий битник на наш ежегодный вечер с танцами» — Пьяные визитеры блюют в кабинете, воруют книжки и даже карандаши — Незваные приятели неделями висают на чистых простынях и сытной маминой кормежке — И я пьяный практически постоянно, чтобы как-то соответствовать этому бардаку, но в конце концов осознаю что окружен превосходящими силами противни-

ка, надо бежать, уединение или смерть — А тут Лоренсо пишет: «Приезжай, хижина ждет тебя, никто не узнает» и т. д., и я как уже сказано смылся из дому (Лонг-Айленд, Нортпорт) в Сан-Франциско, проехал 3000 миль в чудесном купе скорого поезда «Калифорнийский Зефир», глядя как мелькает в моем личном окошке Америка, впервые за три года был как следует счастлив, три дня и три ночи в купешке, растворимый кофе и бутерброды — Вверх по долине Гудзона, сквозь штат Нью-Йорк до Чикаго и далее прерии, горы, пустыня, наконец Калифорнийский хребет, все так легко и без усилий, будто сон, не то что трястись на попутках в прежние скудные времена, когда я еще не заработал себе на трансконтинентальный экспресс (по всей Америке студенты и школьники уверены: «Джеку Дулуозу 26 лет и он все время ездит автостопом» — а мне почти 40, я стар, устал, измучен и мчусь в купе по Американской равнине) — Ну и что же, прекрасный старт к убежищу столь щедро предложенному славным стариной Монсанто, только вместо легкого и гладкого продолжения я просыпаюсь пьяный, больной, в мерзости запустения, в ужасе от тоскливого колокола над крышами вперемешку со слезными воплями с улицы, где митингует Армия спасения: «*Сатана* — причина твоего пьянства, *Сатана* — причина твоей распущенности, *Сатана* подстерегает тебя повсюду — *покайся!*» — и хуже того: слышно, как старые пьяницы блюют в соседних комнатах, скрипят ступенями, стонут — И этот стон, разбудивший меня, мой собственный стон на скомканных простынях, стон, порожденный чем-то огромным, ухнувшим в моей голове и сорвавшимся с подушки как призрак.

И я озираю эту жалкую клетку, вот мой полный надежд рюкзак аккуратно набитый всем необходимым для жизни в лесу, вплоть до неотложной аптечки и хитростей пропитания, даже швейный наборчик заботливо собранный мамой (иголки, нитки, булавки, пуговицы, алюминиевые ножнички) — Даже медальончик святого Христофора, с надеждой нашитый ею на клапан рюкзака — Полный походный набор вплоть до последнего свитерочка, носового платочка и теннисных тапочек (для прогулок) — И весь этот рюкзак многообещающе возвышается над безобразным завалом — бутылки из-под белого портвейна, окурки, мусор, кошмар... «Живо, или я пропал», — понимаю я: пропал обратно в пьяную безнадегу последних трех лет, физическую, духовную и метафизическую безнадегу, которую не проходят в школе, сколько ни читай экзистенциалистов или пессимистов, сколько ни глотай айяуаски, мескалина или пейотля — О это пробуждение в делириум тремени, смертельный ужас течет из ушей подобно увесистой паутине какую плетут пауки жарких стран; ты будто горбатое чудище, что ревет под землею в горячей дымящейся жиже влача в никуда долгое жаркое бремя; будто стоишь по колена в кипящей свиной крови, ох по пояс в огромной сковороде дымящихся жирных помоев без капельки мыла — Лицо себя самого в зеркале исполненное невы-

носимой муки так горестно и безобразно что нельзя даже оплакивать этот предмет — столь уродливый, потерянный, утративший всякую связь с задуманным образцом и тем самым с какими бы то ни было слезами; будто вместо тебя самого в зеркале вдруг берроузовский «чужой» — Хватит! «Живо, или я пропал», — вскакиваю, для начала на голову, чтобы кровь прилила к заплывшим мозгам; душ в коридоре, свежая футболка, носки, белье, яростно собираюсь, хватаю рюкзак, выбегаю прочь, швырнув ключи на стойку, и вот я на холодной улице, мчусь в ближайший магазин за двухдневным запасом еды, пихаю покупки в рюкзак, бегом вдоль унылых улиц русской тоски, где бродяги уткнувшись лбами в колени сидят на туманных порогах ночного ужасного города откуда надо смотреть, иначе смерть — на автобусную остановку — Через полчаса я в автобусе с надписью «Монтерей», мы несемся по чистой неоновой трассе и всю дорогу я сплю, просыпаюсь изумленный, снова здоров, запах моря, водитель расталкивает меня: «Монтерей, конечная». — И это ей-богу Монтерей, я стою сонный в два часа ночи, через дорогу смутно маячат рыбацкие мачты. Осталось проехать четырнадцать миль по побережью до моста через Рэтон-каньон, а там пешком.

«Живо, или я пропал», — и я просаживаю восемь долларов на такси, ночь туманна, но иногда справа, где море, проблескивают звезды, а моря не видно, о нем только слышно от таксиста — «Что тут за места? Я первый раз».

— Сейчас увидишь — Рэтон-каньон, смотри осторожно там в темноте.

— А что?

— Фонарик есть? Фонарем свети —

И точно, когда он высаживает меня у моста и пересчитывает деньги, я чувю что-то не то, слышу страшный рев прибоя, но как-то не оттуда, откуда-то снизу — Вижу мост а под ним ничего не видать — Мост перекидывает прибрежное шоссе с утеса на утес, аккуратный белый мостик с белыми перилами, с той же знакомой шоссеиной белой полосой, но что-то тут не так — Фары такси выхватили из тьмы кусты и провалились в пустоту где по идее должен быть каньон, мы как будто подвешены в пустоте хотя под ногами грунтовая дорога и сбоку нависший уступ — «Что за черт?» — Монсанто присылал мне карту и я запомнил куда идти, но воображение рисовало мне нечто веселенько-буколическое, милый лесной уют, а вовсе не эту ревущую во тьме невесомую тайну — Такси уезжает, я включаю свой железнодорожный фонарь дабы скромно осмотреться, но луч его как и

фары теряется в пустоте и вообще батарейка слабовата, даже стену уступа слева не разглядеть как следует — Что до моста, его не видно совсем, кроме ряда люминесцентных пятнышек на обочине, уходящих в утробный рев моря — Море ярится где-то внизу, лает на меня словно пес из тумана, бьется волнами об землю, но боже мой, где она эта земля, может ли море быть под землей? — Выход один, — сглатываю я, — свети фонариком прямо перед собой, братец, иди вслед за ним, старайся светить прямо на тропу и молись и надейся что он светит на твердую землю которая должна быть там куда он светит, — Иными словами, я опасаясь что даже фонарик собьет меня с пути если я осмелюсь хоть на миг оторвать его от тропы — Единственное что удастся вычлениить из этой ревушей тьмы — гигантские тени крепленого ободка которые отбрасывает фонарь на отвесную стену слева от тропы, — справа (где мечутся на ветру кусты) теней нет, там свету не за что зацепиться — И вот я пускаюсь в свой трудный путь, рюкзак за спиной, голова опущена чтобы следить за пятном света от фонаря, голова опущена а глаза подозрительно поглядывают чуть выше как в присутствии опасного идиота, коего лучше не раздражать — Сначала тропа идет вверх, заворачивает вправо, затем немножко вниз и вдруг опять вверх и вверх — Теперь грохот моря удаляется и в какой-то момент я даже останавливаюсь оглянуться и не увидеть ничего — «Погаси фонарь и посмотрим что видно», — говорю я вставая ступнями в тропу — Хрен ли толку, ничего не видно, только смутный песок под ногами. Карабкаясь вверх и удаляясь от морского шума, я начинаю чувствовать себя увереннее и вдруг натываюсь на что-то страшное, выставляю руку — ничего особенного, переправа для скота, железные перила поперек дороги, но тут слева, где по идее должен быть утес, шарахает порыв

ветра, я туда фонариком, а там пустота — «Что за дьявольщина!» — «Держись тропы», — говорит другой голос, пытаюсь сохранять спокойствие, я и держусь, вдруг справа какой-то треск, свечу туда, но там лишь зловеще мечутся сухие кусты, самые подходящие для гремучих змей (змея и была, они не любят, когда их будят по ночам горбатые чудища с фонарями). Но дорога снова стремится вниз, и утверждается слева утешительный утес, и очень скоро, сколько я помню по карте, должен быть ручей, я слышу его ропот и лепет на дне темноты, там по крайней мере настоящая земля а не гул запредельных высей — Но тропа ныряет внезапно и круто, я почти бегу, и чем ближе ручей, тем громче его шум, не успеешь оглянуться — свалишься туда — Бешеным потоком грохочет он прямо внизу подо мной — И там внизу еще темнее чем вокруг! Там заросли осоки, папоротники ужаса и скользкие бревна, мхи, опасные всплески, влажный туман хладно клубится дыханием гибели, ветви больших деревьев угрожающе склоняются надо мной, шоркают по рюкзаку — Я знаю, чем ниже, тем громче грохот, и в страхе перед тем насколько он может вырасти я замираю и слушаю как клокочет темная тайна, мокрая битва, трещат стволы или камни, все вдребезги, глубокая черная угроза воды и земли — Страшно спускаться — Я боюсь, afraid как afraid от слова «fear», как у Эдмунда Спенсера, выхлестывает как кнутом, причем мокрым — Склизкий зеленый ящер бьется и вьется в кустах — Злая битва ярится кругом, меня здесь не ждут — Она здесь миллионы лет не для того чтобы скрещивать с кем попало мечи своей тьмы — Она выпутывается из чудовищных корневищ могучей секвойи, из тыщи расщелин вселенной — грохочущий колокол чащи не хочет пропускать трущобного бродяжку к морю — которое, кстати, тоже довольно зловеще и ждет — Я почти

ощущаю как море тащит к себе этот шквал из кустов, но со мной мой фонарик, все что осталось — это держаться славной песчаной тропинки, все ниже и ближе к темной резне, и вдруг полого, и бревна моста, и перила, поток всего в четырех футах внизу, перейди, пробужденный бродяга, поглядим, что на том берегу. Быстрый взгляд на воду с моста, вода как вода на камнях, ручей как ручей.

И вот предо мною сонная поляна, колючая проволока и старые добрые ворота корраля, дорога сворачивает влево, но тут я с ней расстанусь; продравшись сквозь колочку я оказываюсь на чудесной песчаной тропинке, выющейся меж хрупких кустов сухого вереска, — словно вырвался из ада в милый знакомый рай земной, слава тебе господи (правда, минуту спустя опять сердце ёкает — на белом песке впереди какие-то черные штуки, но это всего лишь лепешки навоза, оставленные старым добрым мулом здешнего рая).

А поутру (выспавшись в белом песке у ручья) я понимаю чем так страшен был мой путь — Тропа идет по стене на высоте тысячи футов, порой у самого обрыва, особенно там где перегон для скота, там еще сквозь пролом в утесе валит туман из соседней бухты, страшное дело, как будто одной мало было — Но хуже всего мост! Пробежавшись вдоль ручья в сторону моря, я вижу этот гибельный белый штрих в тысяче непреодолимых ахов вверху над моим крошечным лесом, просто невероятно, и чтоб было еще сердце-в-пяточнее — из-за поворота сузившейся тропинки выскакивает белопенный прибой и с грохотом рушится мировая волна, хоть отступай и спасайся в холмах — Более того, морскую синеву позади бушующего прибоя утыкали черные скалы, людоедские замки сочащиеся гибельной слизью, грозный оплот вековечной тоски с раболепными ртами пены у ног — Вот так вылетаешь с уютной лесной тропинки, с травинкой в зубах — и роняешь ее, узрев пред собой Страшный суд — Смотришь вверх на этот невероятно высокий мост и чуешь смерть, так и есть: под мостом возле самого моря — оп, ёкает сердце — машина, проломившая перила лет десять назад, пролетев тыщу футов, навзничь свалилась в песок и до сих пор там, торчит в небеса ржавыми колесами в разбрызганном беге изъеденных солью покрышек, тор-

чат соломой драные сиденья, одинокий бензиновый насос, а людей больше нет —

Везде возвышаются острые выступы скал, в проломах пенясь плещется море, бум и шлеп на берег, смывая песок (тут вам не пляж Малибу) — А обернешься — вьется вверх по ручью уютный лесочек, чем не вермонтский пейзаж — А глянешь в небо — бог мой, прямо над тобой этот немыслимый мост, тонкий белый штришок со скалы на скалу, и безумные автомобили несутся по нему, словно сны! Со скалы на скалу! Над беснующимся побережьем! Так что позже слыша от людей: «О, Биг-Сур, должно быть красиво!» — я сглатывал, не силах понять, почему считают «красивым» этот Блейков грозный ужас, эти родильные муки скрежещущих скал, эти виды, что открываются в солнечный день вдоль всего побережья на всю эту адскую стирку, дьявольскую лесопилку.

Страшно было даже на другом мирном краю Рэтон-каньона, на восточной его стороне, где Альф, домашний мул местных жителей, спал ночами соннейшим из снов под купой причудливых деревьев, а утром пасся в траве и проделывал медленный путь к побережью, где недвижно стоял в песке у воды героем древнего мифа — Позже я назвал его Альф Осел Священный¹ — Страшной же была гора, возвышавшаяся там на востоке, бирманского типа гора с прихотливыми террасами и странной рисовой шляпой на макушке, куда я смотрел с бьющимся сердцем даже вначале, пока был еще в порядке (а через полтора месяца в полнолуние 3 сентября я сойду в этом каньоне с ума) — Гора напоминала мне мой недавний возвратный ночной кошмар о Нью-Йорке, сон о «Горе Мьен-Мо», где стаи летучих лунных коней в поэтически развевающихся накидках кружат вокруг вершины на высоте «тысячи миль» (как говорилось во сне), там на вершине в одном из призрачных снов я видел огромные каменные скамьи в надмирной лунной тиши словно некогда принадлежавшие богам или великанам но давным-давно опустевшие, покрытые пылью и паутиной, и зло скрывалось где-то в глубине пира-

¹ Ср.: «Где Альф бежит, поток священный» — из «Кубла-хана» С. Т. Кольриджа (пер. К. Бальмонта).

миды где жило чудовище с большим бьющимся сердцем и что страшнее всего жалкие грязные уборщики, совершенно обычные, варили что-то на костерках — Узкие пыльные щели, куда я пытаюсь протиснуться опутанный ожерельем из помидорных плетей — Сны — Алкогольные кошмары — Бесконечные серии снов крутились вокруг этой вершины, в самый первый раз это была красивая но как-то устрашающе зеленая гора в клубках зеленоватой мглы, возвышающаяся над тропиками какой-то как бы «Мексики», но в то же время вокруг — пирамиды, пересохшие русла рек, другие страны полные вражеской пехоты, причем основная опасность — хулиганье, что кидается камнями по воскресеньям — И вот тут эта печальная гора как гора, да еще этот мост и машина, небось перевернулась в воздухе пару раз прежде чем грохнуться навзничь в песок — ни следа человеческих рук или ног или порванных галстуков (хоть сочиняй страшный стишок про Америку), ах и УХАНЬЕ сов в старых дуплистых стволах туманной чащобы на том конце каньона, куда я так и побоялся ходить — Это неприступный отвес у подножия Мьен-Мо и дальше грубо скрюченные мертвые деревья и непролазный кустарник и заросли вереска бог знает насколько глубокие, с тайными пещерами которых никто никогда не исследовал, даже индейцы десятого века — И огромный разлапистый папоротник среди разломанных молнией хвойных гигантов; мирно идешь по тропе и вдруг совсем рядом вырастает черная, тронутая вьюнком поверхность утеса — И океан нависает откуда-то сверху, как в порту на старинной гравюре (что с содроганием отметил Рембо) — Столько зловещих примет, а потом еще эта летучая мышь когда я спал во дворе на лежанке, она закружила над головой совсем низко, древний страх: а ну как вцепится в волосы, эти бесшумные крылья, вам бы понравилось проснуться

среди ночи оттого что бесшумные крылья бьют по лицу и спросить себя: Верю ли я в вампиров? — На самом деле мышь влетела в мою освещенную лампой хижину в три часа ночи, когда я сидел и читал — что бы вы думали? (бррр) «Доктора Джекила и мистера Хайда» — В общем-то неудивительно, что я сам за каких-то полтора месяца превратился из безмятежного Джекила в издерганного Хайда, впервые в жизни потеряв контроль над механизмом умиротворения собственных мозгов.

Но ах, сколько чудных было дней и ночей вначале, когда мы с Монсанто съездили в Монтерей за двумя ящиками провианта и я согласно уговору получил три недели одиночества — Я был счастлив и ничего не боялся настолько, что в первую ночь даже засветил мощным Лорриным фонарем прямо под мост, словно жутким пальцем пронзив туман и уткнувшись в бледное брюхо его чудовищного высочества; я закинул луч даже в непаханую морскую даль, сидя ночью в обрушивающейся темноте в своем рыбацком костюме и записывая разговоры моря — И что хуже всего, на заросшие стены утесов где ухали совы у-ху! — Осваивался, глотая страхи, обживался в маленькой хижине с теплым отблеском печки и керосиновой лампой, кыш отсюда, привидения — Домик отшельника-бхикку в лесах, бхикку хочет только покоя и обретет покой — Но почему через три недели блаженного мира и счастья в этом странном лесу душа моя так пошла вразнос когда я вернулся сюда с Дейвом Уэйном, Романой и моей подругой Билли с ребенком, никак не пойму — Если рассказывать, то только подробно.

А ведь как прекрасно было сначала, даже тот случай со спальником — я повернулся во сне а он порвался и полезли перья, пришлось подниматься ругаясь и латать прореху, иначе к утру все перья были бы снаружи — Вот склоняюсь я бедной материнской голо-

вешкой над иголкой с ниткой у очага под керосиновой лампой — И тут врываются эти бесшумные крылья, хлопают, мечут тени по всему домику, проклятая летучая крыса — А я пытаюсь зашить свой старый ветхий спальный мешок (пострадавший хуже всего от пота, когда меня трясла лихорадка в гостинице в Мехико после землетрясения 1957 года, кое-где нейлон совсем прогнил от этого застарелого пота но все еще мягок настолько что приходится отрезать лоскут от старой рубашки и нашивать заплатку) — Помню, я поднял голову над своим полночным шитьем и произнес: «Да, в долине Мьен-Мо водятся летучие мыши» — Но потрескивает очаг, ложится заплатка, урчит и булькает снаружи ручей — Сколько голосов у ручья, просто невероятно, от глубинного грома литавр до легкого женского лепета на мелких камешках, внезапные припевы других голосов с бревенчатой запруды хлип-хлюп ночь напролет, день напролет, поначалу голоса ручья забавляют меня но позже той ужасной ночью безумия превратятся в ропот и восстание ангелов зла в моей голове — В конце концов дело уже не в мыши и не в заплатке, я просто слишком проснулся чтобы опять заснуть, время три часа, я раскопчегариваю очаг, устраиваюсь читать и прочитываю весь роман «Доктор Джекил и мистер Хайд», хорошенькое карманное издание в кожаном переплете оставленное здесь умницей Монсанто — небось сам читал вот так среди ночи широко раскрытыми глазами — Последние изящные фразы дочитаны на рассвете, пора вставать, набирать воду в говорливом ручье и готовить завтрак, оладьи с сиропом — «Стоит ли раздражаться по мелочам, — говорю я себе, — подумаешь, спальник порвался, храни самообладание — «Черт бы побрал этих летучих тварей», — добавляю я.

В самом деле, какой восхитительный старт, первый вечер когда я один, можно приготовить первый

ужин, вымыть первую посуду, лечь вздремнуть и пробудившись услышать торжественный звон тишины, неба, рая даже внутри лопотанья, сквозь лопотанье ручья — И сказать Я ОДИН, и хижина вдруг станет домом, просто потому что впервые приготовил еду и вымыл посуду — Вечереет, целомудренный свет чудесной керосиновой лампы, днем я бережно отмыл калильную сетку в ручье и вытер туалетной бумагой, но от бумаги налипли соринки, пришлось мыть опять и на сей раз просто сушить на солнышке, на вечернем солнце быстро исчезающем за отвесными стенами каньона — Вечереет, керосиновая лампа озаряет хижину, я выхожу нарвать папоротника, как в Ланкаватара-сутре: «Поглядите, государи мои, какая прекрасная сетка для волос!» — Вечерний туман затекает в чащу каньона, закрывает солнце, становится прохладно, даже мухи на пороге грустят как туман на вершинах — Когда отступает свет дня, отступают и мухи, подобно вежливым мухам у Эмили Дикинсон, а в темноте все они спят где-нибудь на деревьях — В полдень они с тобой в домике, но к вечеру продвигаются ближе к порогу, как это странно и мило — Неподалеку от хижины гудит пчелиный рой, такое ощущение что прямо под крышей; гудение приближается (сердце ёкает), прячешься в домик, мало ли что, вдруг они получили задание навестить тебя, все две тысячи разом — Но постепенно привыкаешь, оказывается это у них раз в неделю вроде как праздник — И в целом все замечательно.

Даже первая пугающая ночь на берегу, с карандашом и тетрадкой, когда я скрестив ноги сижу на песке лицом ко всему тихоокеанскому гневу бьющемуся о скалы что подобно мглистым башням высятся над бухтой бултыхающейся бурунами в промоинах; дрейфующие города водорослей качаются вверх-вниз едва различимо темнея в фосфоресцирующем ночном освещении.

щении — Поднимая глаза я вижу и знаю одно: справа вверху на утесе на кухне домика горит свет, кто-то выстроил себе домик с видом на грозный Сур и теперь уютно ужинает там, вот что я знаю — Свет оттуда горит путеводным маячком подвешенный в тысяче футов над грохочущим побережьем — Кому взбрдет в голову строиться там? разве что скучающему седовласому архитектору, искателю приключений, уставшему заседать по конгрессам, и не ровен час разыграется там когда-нибудь орсон-уэллсовская трагедия с вопящими призраками, и женщина в белом пеньюаре сорвется с отвесной скалы — Но на самом деле я представляю себе просто кухню, милый, уютный, может быть даже романтичный ужин там наверху за ключьями воющего тумана, а сам сижу далеко внизу и с печалью гляжу на всю эту вулканову кузницу — Тушу сигаретку «Кэмел» о миллиардолетнюю скалу возвышающуюся надо мной на немереную высоту — Свет окошка льется с вершины скалы, а за ней еще дальше и выше вырастает хребет прибрежного зверя и я глотаю воздух думая: «Словно лежащий пес ежит огромные плечи, замерз сукин сын» — Высится, мерзнет, пугает людей до смерти, но что есть смерть перед лицом всей этой воды, всего этого камня?

Расстилаю спальный мешок на пороге, а в два часа туман превращается в морось, заползаю внутрь, спальник промок, надо устраиваться по новой, но кто не уснет как убитый в одинокой лесной избушке, просыпаешься поздним утром отдохнувший и свежий, безмянно познавший вселенную: вселенная есть Ангел — В конце концов только в лесу приходит эта ностальгия по «большим городам», мечты о долгих серых путешествиях по городам где разворачиваются мягкие вечера, вроде Парижа, но благодаря первобытной невинности лесного здоровья и покоя забываешь как все они утомительны — И я говорю себе: «Будь мудр».

Правда, в хижине Монсанто есть недостаток, например нет занавесок или сетки чтобы мухи днем не залетали, только ставни, и если в сырой туманный день оставить их открытыми — слишком холодно, а закроешь — темно, приходится жечь лампу среди бела дня — А больше в общем-то и нет недостатков — Все замечательно — И поначалу просто удивительно: только что гулял по вересковым полянам, прошел полмили — и вот уже дикое мглистое побережье, а надоест то и другое — сиди себе у ручья и мечтай над корягами — Так легко в лесу впадать в дрему и молиться местным духам: «Позвольте мне побыть здесь, я хочу только покоя» — и туманные вершины немо отвечают: ДА — И говорить себе (если вы вроде меня с теологическими замашками) (по крайней мере тогда, пока я не сошел с ума, у меня были такие замашки): «Бог, который есть всё, обладает глазом пробуждения, словно снится длинный сон о невыполнимой задаче, а просыпаешься — бац, нет задачи, все сделано и прошло» — И в потоке радости первых трех дней я уверенно говорю себе (не подозревая что случится со мной всего через три недели): «Хватит растрчивать себя, пора спокойно взирать на мир и даже наслаждаться им, сначала в лесу как сейчас, потом спокойно идти говорить с людьми, не бухать, не торчать, не бузить, не якшаться с битниками, пья-

ницами, торчками и так далее, не вопрошать себя: «О за что Господь терзает меня», вот что, быть одиночкой, путешествовать, разговаривать только с официантами, на самом деле, в Милане, в Париже, только с официантами, хватит этой добровольной муки... пора начать думать и наблюдать и сосредоточиться на том что через миллиарды лет вся земная поверхность какой мы ее сейчас знаем покроется ровным слоем ила... Ну, за бóльшую одинокость» — «Вернуться в детство, грызть яблоки, читать катехизис — сидя на обочине, к дьяволу голливудские софиты» (это я вспомнил ужасный случай где-то год назад, как мне пришлось три раза репетировать чтение собственной прозы под жарким прожектором шоу Стива Аллена в студии Бербанка, сотня техников ждет когда же я начну, Стив Аллен выжидающе смотрит на меня перебирая клавиши, а я сижу на дурацком стульчике и не могу прочесть ни слова, «Мне не надо РЕПЕТИРОВАТЬ, ей-богу Стив!» — «Ну давай, нам просто нужен звук голоса, последний раз, а с генеральной репетиции я тебя отпускаю» — а я сижу потею, ни слова целую минуту, наконец говорю: «Нет, не могу», — и отправляюсь на ту сторону улицы напиться) (но ко всеобщему изумлению вечером все отлично прочел, продюсеры удивлены, мы едем отметить это дело и мне даже выдают голливудскую старлетку, правда она оказалась занудой, пыталась читать мне свои стихи, а про любовь говорить отказывалась — ибо в Голливуде, ребята, за любовь надо денежки платить) — Теперь все эти замечательные длинные воспоминания, когда сидишь, лежишь или гуляешь неторопливо припоминая все детали жизни, обретают (как, должно быть, у Пруста в его запечатанной комнате) качество такого приятного внутреннего кино, которое сам себе показываешь по желанию, для дальнейшего изучения — И развлечения —

И я представляю себе что Бог в данный момент занимается тем же, крутит себе свое кино которое и есть мы.

И даже когда как-то ночью я, счастливый, поворачиваюсь на другой бок чтобы снова заснуть, а прямо по голове моей вдруг прошмыгивает крыса, это к лучшему, ибо тогда я беру раскладушку, поверх нее на обе перекладины кладу широкую доску чтобы не проваливаться в полотно, а на доску два спальника и сверху еще мой, и получается прекраснейшая в мире недоступная для крыс и полезная для спины кровать.

Кроме того я предпринимаю долгие познавательные прогулки вглубь каньона, прохожу несколько миль по грунтовой дороге ведущей к разрозненным фермам и лесным хозяйствам — Выхожу в широкие печальные тихие долины где встречаются 150-футовые секвойи и на верхушке иногда сидит какая-нибудь птичка — Балансирует там озирая туман и великанские деревья — Замечаешь вдалеке на скале одинокий цветок, или нарост на стволе напоминающий маску Зевса, или безмозгленьких божьих созданий мечущихся в лужице родника (вертячек), или табличку на заброшенном заборе: «М. П. Ходли. Хода нет», или заросли папоротника во влажной тени секвойи, и думаешь: «Далеко же отсюда до битников» — Заворачиваешь к дому, а там по тропе мимо хижины к морю, где в тысяче футов под мостом топчется мул, жует или просто стоит и смотрит на тебя карими глазницами райского сада — Этот мул, принадлежащий жителям одной из хижин каньона, по имени как уже сказано Альф, просто бродит из глубины каньона, где его останавливает изгородь корраля, до побережья, где его останавливает море, но когда впервые видишь его, это такой странный гогеновский мул, он метит черным навозом совершенно белый песок, он

бессмертен и первобытен, он владыка всей долины — Наконец я даже выясняю где он спит в священной рощице на сонной вересковой поляне — Я скармливаю ему свое последнее яблоко, он принимает его крупными торчащими вперед зубами внутрь мягкой волосатой морды, никогда не укусит, аккуратно берет мое яблоко с протянутой ладони, печально жует и отворачивается чесать себе зад о ствол дерева с таким эротическим самозабвением, что вот уже его собственный ствол стоит столбом и ужаснул бы вавилонскую блудницу, не то что меня.

Много странного и чудесного, ну ровно из музея Рипли¹, например: гигантское дерево свалилось поперек ручья лет может 500 назад, образовав нечто вроде мостика, другой конец ствола тонет теперь в десятифутовом слое ила и высохшей листвы и, удивительное дело, из середины его над водой торчит другое дерево, то ли выросло там, то ли воткнуто Божьей десницей, никак не пойму, стою и гляжу яростно сжевывая арахис горстями будто школьник — (а всего несколько недель назад упал в Боуэри, разбил башку) — И когда мимо едет фермер на машине, у меня в голове разыгрывается сюжет, вот едет фермер Джонс с двумя дочерьми, а я иду себе тихонечко таща под мышкой 60-футовую секвойю, они изумлены и испуганы: «Сон ли это? может ли человек быть столь сильным?» — и вот мой великий дзенский ответ: «Вы всего лишь думаете что я силен», и я продолжаю путь волоча свое дерево — Потом часа два смеялся в клеверном поле — Иду мимо коровы, она

¹ Роберт Рипли (1890—1949) — американский график, автор популярной серии карикатур «Хотите верьте, хотите нет», посвященной невероятным, но реальным аномалиям. В 1933 г. открыл в Чикаго первый «оддиториум» — музей, посвященный таким происшествиям. В настоящее время эта франшиза насчитывает 32 музея по всему миру.

провожает меня взглядом сонно роняя лепеху — Вернувшись в домик разжигаю огонь и сижу вздыхая и листья сыплются на жестяную крышу, в Биг-Суре август — Засыпаю в кресле, просыпаюсь лицом к кучерявому перепутанному кустарнику за дверями и вдруг вспоминаю его в каком-то далеком прошлом, вплоть до мелочей, ветку за веткой, каждый изгиб, что-то родное, давно забытое, но пока пытаюсь сообразить в чем тут дело, бах, ветер захлопывает дверь и ничего больше не видно! — «Я вижу лишь то что позволяет дверь, открытая или закрытая», — заключаю я. — И, вставая, голосом английского лорда, все равно никто не слышит: «Вопроуз открытый есть вопроуз захлопнутый, сэр!» — И смеюсь весь ужин напролет — Ужин: картошка в фольге запеченная на огне, кофе и ломти колбасного фарша поджаренные на палочке, с яблочным соусом и сыром — И когда я зажигаю лампу почитать после ужина, прилетает ночной мотылек на свою ночную смерть — Я на время выключаю лампу и вот мотылек уже спит на стене не догадываясь что я зажег ее опять.

Тем временем между прочим каждый день холодно и облачно, не в том смысле холодно как на Восточном побережье, но сыро, и каждую ночь полнейший туман: звезд не видно совсем — Но и это обстоятельство оказывается замечательным: сейчас «сырой сезон» и другие обитатели каньона обычно приезжающие по выходным не приезжают вовсе, так что я неделями в совершеннейшем одиночестве (а в конце августа, когда солнце победило туман, я был поражен услышав шорканье по всей долине, которая была моей и только моей, попытался пойти на берег поцарапать в тетрадке и обнаружил там целые семейства расположившиеся на пикник, а также молодежь которая просто побросала машины на утесе возле моста и слезла вниз) (а также кучки орущего ху-

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
БИГ-СУР	7
Море: <i>Звуки Тихого океана у Биг-Сура</i>	199

Керуак Дж.

К 36 Биг-Сур : роман / Джек Керуак ; пер. А. Герасимовой, Е. Калявиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 224 с. — (Азбука-классика). ISBN 978-5-389-05794-4

Предлагаем вниманию читателей знаменитый роман современного классика в полном переводе, включая поэму «Море», являющуюся его неотъемлемой частью. Джек Керуак дал голос целому поколению в литературе, за свою короткую жизнь успел написать около 20 книг прозы и поэзии и стать самым известным и противоречивым автором своего времени. Одни клеймили его как ниспровергателя устоев, другие считали классиком современной культуры, но по его книгам учились писать все битники и хипстеры — писать не что знаешь, а что видишь, свято веря, что мир сам раскроет свою природу. Роман «В дороге» принес Керуаку всемирную славу и стал классикой американской литературы; это был рассказ о судьбе и боли целого поколения, выстроенный как джазовая импровизация. Несколько лет назад рукопись «В дороге» ушла с аукциона почти за 2,5 миллиона долларов, а в 2012 году роман обрел наконец и киноплощадки; продюсером проекта выступил Фрэнсис Форд Коппола (права на экранизацию он купил много лет назад), режиссером — Уолтер Саллес (прославившийся фильмом «Че Гевара: Дневники мотоциклиста»), роли исполнили Вигго Мортенсен, Стив Бушеми, Кирстен Данст, Эми Адамс. За романом «В дороге» последовали «Бродяги Дхармы», за «Бродягами Дхармы» — «Биг-Сур», документирующий борьбу «короля битников» с кризисом среднего возраста и мифом, который сам же Керуак и породил; борьбу огромного таланта и такой же огромной тяги к саморазрушению. Роман «Биг-Сур» также был экранизирован, причем главную роль в картине Майкла Полиша, впервые предъявленной публике в январе 2013 года на фестивале независимого кино «Сандэнс», исполнил Жан-Марк Барр — звезда фильмов Ларса фон Триера.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕК КЕРУАК
БИГ-СУР

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Алексея Положенцева
Корректоры Светлана Федорова, Людмила Ни
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

Подписано в печать 30.01.2017. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 9,8. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YVAK1288203R